

Морозная
любовь

АЛЕКСАНДРА М. КУЗНЕЦОВА

ОПАСНЫЙ БРАК
С ДРАКОНОМ

Александра Кузнецова
Опасный брак с драконом!
Серия «Междумирный базар», книга 4

<https://litres.ru/74129372>

SelfPub; 2026

Аннотация

Свадьба лорда-дракона пошла не по плану.

Вместо жены-аристократки он получил меня — заколдованную попаданку.

Теперь я помеха на пути к короне. Его мать мечтает от меня избавиться, маги ищут способ отменить наш брак, а меня же в первую ночь пытались убить.

Но мой муж самый опасный и сильный дракон этого мира. Что выберет он? Уничтожит или защитит?

Сольная книга серии "Междумирный базар".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Опасный брак с драконом!

Глава 1

— Кто ты такая?! — рывкнул дракон, мертвой хваткой вцепляясь в мое запястье и чудом не ломая его.

Он был огромным и сильным, я едва доходила ему до плеча. Если бы он хотел, то с легкостью переломил бы меня пополам. Я в ужасе смотрела в его изумрудные, полные гнева глаза и пыталась понять, что дальше?

Камень алтаря был холодным, гладким, и от него тянуло магией — густой, тяжелой, как гроза перед ударом молнии. Моя левая рука все еще была на нем. Запястье горело огнем, а я не могла пошевелиться.

— Как ты это сделала?!

Дракон рывком притянул меня к себе. Я не успела ни вдохнуть, ни понять, что произошло.

Я попыталась открыть рот. Ничего не получилось.

Горло сжалось, язык словно прилип к небу. Я хотела хоть что-нибудь сказать. Но звук не рождался.

В руке дракона блеснул боевой нож. Такой, каким не пугают. Таким убивают.

Я перевела взгляд с его глаз на лезвие. Потом обратно. И не смогла понять, что пугает меня больше. На его запястье медленно проявлялся светящийся рисунок, словно кто-то

в эту минуту рисовал на нем браслет. Я опустила глаза и вздрогнула. На моей руке был точно такой же.

Кажется, я видела такое однажды. Страшная догадка молнией прошла по моему позвоночнику. Я думала, что нельзя испугаться сильнее, оказывается, можно.

Дракон медленно повернул голову к алтарю. Туда, где стоял жрец.

Тучный мужчина в расшитых золотом одеждах побледнел так, будто вся кровь ушла из тела. Руки дрожали, губы не слушались.

— Э-это... — он запнулся, сглотнул. — Это какая-то... случайность. Невероятная, но... ваше величество может не беспокоиться. Я немедленно обращусь к верховному магу, и мы вместе... мы... отменим этот брак.

— Брак?! — прорычал дракон.

Жрец осекся на полуслове, будто его ударили. Слова рассыпались, взгляд стал пустым. Я вдруг поняла, что в любую секунду дракон может не сдержаться и убить его. Прямо сейчас. Без промедления. Без суда.

А потом дракон снова посмотрел на меня. Черные зрачки сузились, и я увидела в изумрудном отражении свое перепуганное лицо.

Я не успела ни вдохнуть, ни отшатнуться.

Меня швырнули назад — грубо, резко, как ненужную вещь. Чужие руки подхватили, сжали плечи, удержали. Метка на запястье вспыхнула болью, будто возмутилась этим

прикосновением.

— Готовьте ее к допросу!

Сознание возвращалось медленно, как будто кто-то тянул меня обратно за тонкую нить.

Сначала боль. Глухая, разлитая по всему телу. Потом — холод.

Я открыла глаза и поняла, что лежу на каменном полу. Надо мной был потолок — низкий, неровный, с темными потеками. Стены сходились в сводчатый потолок. Пахло сыростью, железом и чем-то старым, давно забытым. Единственным источником света был дверной проем с решеткой.

Я лежала навзничь, накрытая грубым одеялом. Тело слушалось плохо, словно было чужим. Но жжение на запястье не давало и шанса списать все на дурной сон или видение.

Все по-настоящему.

Я посмотрела на запястье, на котором все еще светились магические символы, и вспомнила, где видела их. Воспоминания накрыли меня волной.

В тот день я впервые была счастлива. Легкое, почти невесомое чувство. Последняя репетиция перед премьерой прошла идеально.

Мечта так близко, что невозможно дождаться.

Я буду выступать на сцене перед огромным залом. Свет, музыка, овации. Наконец-то!

Я вбежала в гримерную и посмотрела на свое отражение. Настоящая балерина!

Худое, выточенное годами тренировок тело, длинные ноги, большие глаза с пышными накладными ресницами, светлые волосы стянуты в тугий пучок, шея блестит от пота, ключицы резко очерчены.

Получилось.

Я сняла пуанты, осторожно развязала ленты, провела пальцами по ноющим стопам, проверяя, где завтра будет синяк. Потянулась, медленно, аккуратно, чтобы мышцы не схватило. Потянулась за стаканом воды и увидела на столике черный футляр. Три часа назад его здесь не было.

Я с интересом взяла его в руки и осмотрела. Он был тяжелым, матовым, и таким холодным на ощупь, будто его только что принесли с мороза.

Я медленно откинула крышку.

Внутри, на темном бархате, лежал золотой браслет, покрытый витиеватыми символами, образующими диковинный узор, который хотелось рассматривать. Он словно был живым: линии уходили друг в друга, замыкались.

Я не рискнула коснуться браслета. Просто смотрела.

Дверь в гримерную открылась, и я почувствовала, как радость исчезает. Меркнет, уступая чувству тревоги.

— Ты была великолепна!

Голос, который я не хочу больше слышать. Вот что это. Подарок.

Я закрыла футляр. Медленно и аккуратно поставила его на край стола.

— Спасибо, это очень красиво, но я не могу принять, — я слышала свой голос словно со стороны.

— Ты даже не знаешь, что это, дорогая.

Граф сделал несколько шагов, прежде чем я собралась с силами и посмотрела на него через отражение в зеркале.

— Не зовите меня так, граф, я не давала повода...

Он усмехнулся, будто я сказала что-то наивно-милое, и прошелся взглядом по примерной — по зеркалам, лампам, костюмам, по рассыпанному свету, в котором еще жило мое счастье.

— Ты даже не представляешь, насколько ты дорогая, — произнес он с улыбкой. — Этот театр. Эти актеры. Свет. Оркестр. Репетиции до ночи.

Он сделал паузу, словно давая мне время осознать чудовищное значение его слов.

— Все это стоит денег. Больших.

Я медленно обернулась, чувствуя, как внутри что-то обрывается.

Граф смотрел на меня с гордой улыбкой. Будто ждал похвалы. Его цепкий взгляд скользил по моему трико в предвкушении. Он привык получать желаемое.

Слезы обиды обожгли щеки, я до боли закусил губу, стараясь вернуть самообладание. Как-то пережить эту минуту, потом следующую...

— А ты думала, что стала примой благодаря таланту? — мягко спросил он.

Слова ударили не сразу. Сначала — тишина. Потом — пустота в груди. И только затем боль. Глухая, унижительная, липкая. Будто мне только что сказали, что все, во что я верила, было не моим. Что меня пытались купить, как дорогую игрушку. А я поверила. Дура!

Мне стало стыдно. И обидно. Так обидно, что перехватило дыхание.

Но я выпрямилась.

Медленно. Осознанно. Как на сцене, когда нужно держать спину, даже если только что упал.

— Я не буду вашей любовницей, — сказала я четко. — Ни ради денег. Ни ради карьеры.

Граф улыбнулся шире. Хищно.

— Вот именно это мне в тебе и нравится, — произнес он с удовлетворением. — Чистота. Невинность. Эта... наивная вера, что можно всю жизнь прожить честно. Много работать и все получится.

Он сделал шаг ближе.

— Ты плохо обо мне думаешь, Марина, — добавил граф почти ласково. — Я не собирался делать из тебя любовницу. Я хочу на тебе жениться.

Слова повисли в воздухе, тяжелые, как приговор.

— На моей родине, — продолжил он, кивнув на футляр, — таким браслетом делают предложение. Я дам тебе имя. Защиту. Покой. Я сделаю тебя счастливой.

Я смотрела на него и понимала: он действительно в это ве-

рит. Что он имеет право на меня. Что он добр и щедр. В том, что счастье — это то, что он выдает по своему усмотрению.

Я схватила футляр. Пальцы дрожали, но я удержала его и вытянула перед собой.

— Уходите, — сказала я тихо. — Я не буду вашей женой. Мне жаль. Но я не могу.

На мгновение он замер. Словно оценивая, не шутка ли это? Но он посмотрел мне в глаза и все понял. Я не передумаю.

Лицо графа изменилось.

Улыбка исчезла, словно ее стерли. Глаза потемнели, губы сжались в тонкую линию. Передо мной стоял уже не благодетель и не поклонник. Хозяин, которому не подчинилась его вещь.

— Тебе жаль? О нет, дорогая. Я сделаю так, — произнес он холодно, — что ты действительно пожалеешь.

Он развернулся и вышел, не оглянувшись. Футляр выпал из моих рук и по полу покатился золотой браслет.

Точно такие же символы, как были на нем, сейчас светились на моем запястье. Теперь я чья-то жена. Нет, не просто чья-то. Несмотря на боль и головокружение, я вспомнила эти изумрудные глаза, этот голос, пробирающий до костей.

Я жена Таррена. Самого жесткого дракона северных земель.

Прежде чем я смогла осознать, что это значит, дверь в темницу распахнулась.

— Вставай! Лорд ждет тебя...

Глава 2

На пороге темницы появился мужчина лет тридцати с аккуратно стриженной бородой, в которой не по возрасту блеснула седина. Одет он был в длинный зеленый кафтан с мехом на крупных золотых застежках, на голове шапка с темным мехом, на руках черные перчатки, поверх которых блеснул изумрудный перстень.

Он показался мне знакомым.

Память меня не слушалась, как и язык.

— Вставай! Не заставляй правителя ждать! — прикрикнул мужчина.

Я бы и рада была подняться, но ноги не слушались. То ли от холода, то ли от того, что я уже и забыла, каково это — ходить.

Поняв, что на своих двоих я никуда не дойду, мужчина раздраженно махнул рукой, и в темницу вошли стражники. Они были одеты в кожаные доспехи, на поясах поблескивали кинжалы в ножнах. Такое же изогнутое лезвие, которое дракон приставлял к моему горлу.

От воспоминаний я вздрогнула, а затем поняла, куда меня ведут. К нему!

Я собралась с силами и попыталась оказать хоть какое-то сопротивление, но, кажется, мужчины этого не заметили. Они вели меня под руки, почти несли, я лишь машинально

перебирала ногами, которые едва касались пола.

Мы поднялись по каменной лестнице, прошли через большой зал, из дверей которого дуло колючим холодом, а затем попали в коридор, который уже был устлан мягкими коврами.

Я перестала сопротивляться и осмотрелась. Высокие своды, темный камень, факелы в нишах с непривычно золотистым светом.

По левой стороне были узкие высокие окна, застекленные цветными витражами. За ними была выюга — белая, злая. Снег бился о стекло, завихрялся, будто пытался ворваться внутрь.

В памяти всплыл чей-то тревожный голос: Северные земли, не очень подходящее место для хладнокровного фамильяра.

Почему я это вспомнила? Загадка.

Мы повернули вглубь здания, коридор стал шире, по бокам были высокие двери с массивными затворами. Возле каждой стояло по двое охранников. Все с любопытством провожали меня взглядами.

Дверь в одну из комнат была открыта, и я увидела в большом зеркале свое отражение.

Тонкая, исхудавшая девушка с бледной, почти прозрачной кожей. Волнистые белые волосы спутались, почти закрывая лицо, а наготу прикрывали остатки платья.

Я вспомнила его. Мое танцевальное платье — некогда

красивое, легкое, предназначенное для света и сцены. Сцена! Музыка.

Но стоило мне вспомнить хоть что-то, как двери передо мной распахнулись, и стражники буквально втокнули меня в просторный зал с высокими потолками и огромным трон у витражных окон.

Вдоль стены стояли какие-то вельможи в бордовых кафтанах. Я не могла рассмотреть их лиц, свет факелов казался мне слишком ярким. Я опустила глаза, сделала несколько шагов и рухнула.

По залу прошел шепоток.

Трон был пуст, все замерли в ожидании чего-то, а я боялась пошевелиться. Мечтала стать незаметной.

Массивные двери распахнулись снова, и в зал вошла женщина средних лет.

Она шла быстро, гордо выпрямив спину и подобрав тяжелые синие юбки, чтобы не мешались. На ее длинной шее блистали сапфиры, черные волосы украшала тиара.

Женщина остановилась около меня:

— Казир, — произнесла она. — Так это правда?

Мужчина, который привел меня, выпрямился по струнке.

— Госпожа, — произнес он с безупречным почтением и чуть склонил голову. — К сожалению.

Женщина перевела взгляд на меня и поморщилась, как от головной боли.

— Позор какой... — прошептала она. — Как эта девица

вообще оказалась в храме?

— Это была... ящерица, — ответил мужчина ровно.

Я вздрогнула, обхватывая себя за плечи.

— Ящерица? Фамильяр? Подарок невесты Таррена?

— Да, госпожа.

Женщина резко развернулась к нему.

— Как ты это допустил, Казир?! Почему не проверил все, прежде чем позволить Таррену таскать эту тварь с собой? Она могла убить его! Она могла... да что угодно...

Мужчина виновато опустил глаза и прошептал:

— Мы сделали то, что должно. Никто не ожидал...

— Все, что должно? — в голосе женщины послышались стальные нотки. — Это унижение. Это сорванная свадьба. Это пятно на нашем доме. Посмотри на нее, кошмар...

Мужчина, которого женщина называла Казиром, снял с себя кафтан и шагнул ко мне, чтобы накинуть его мне на плечи, но женщина подняла руку.

Одно короткое движение.

— Не надо.

Казир замер, так и не дотронувшись до меня. В этот момент у дверей раздался звон, и кто-то громко объявил:

— Тишина! Лорд-дракон Таррен.

Двери распахнулись со стуком и все обернулись на высокого мужчину, появившегося в проеме.

Я почувствовала его взгляд еще до того, как подняла голову.

С ним в тронный зал ворвался ледяной порыв ветра, резкий, пробирающий до костей. Или это мой страх. Все присутствующие в зале почтительно склонили головы, опустили глаза в пол, а я не могла.

Я поняла, что чувствует жертва, замерев при виде хищника. Смесь ужаса и невольного восхищения.

Таррен был высоким, выше любого человека в этом зале. Широкие плечи, прямая спина, тяжелые темные одежды, расшитые бордовыми шелковыми нитями. Белые волосы спадали на плечи, подчеркивая резкие, почти хищные черты лица. Изумрудные глаза смотрели прямо на меня. По его глазам ничего нельзя было понять. Холод и отстраненное внимание.

Мне показалось, что он видит меня насквозь. И ему не нравится. От этого чувства хотелось спрятаться, исчезнуть, стать еще меньше, чем я есть. На секунду мне показалось, что я могу.

Еще одно воспоминание больно кольнуло. Я вижу Таррена не впервые. Просто смотрела на него другими глазами, когда я и правда была меньше. А он ласково гладил меня по голове.

Вздвогнув, я опустила глаза. Это точно было со мной?

Тем временем Таррен прошел к трону, сел на него медленно, уверенно, обвел всех присутствующих взглядом и остановился на женщине.

— Мать, — произнес он спокойно. — Что ты здесь делаешь? У нас Совет.

Я подняла глаза на женщину и поняла, почему она вызывает у меня такую тревогу. Та же идеальная осанка, прямой и опасный взгляд, изумрудный оттенок глаз. Правда, она выглядела довольно молодо, я бы не подумала, что у нее может быть такой взрослый сын.

Женщина сделала пару шагов, выходя к трону. Ее юбка прошуршала по коврам, шлейф был такой длины, что сразу давал понять — хозяйством она не занимается.

— Прошу простить мою несдержанность. До меня дошли слухи, в которые сложно поверить. Я поспешила увидеть все своими глазами, убедиться, что не случилось никакого несчастья...

Таррен поднял руку, обрывая речь матери.

— Все решится, — произнес он спокойно и уверенно. — Я выясню, чьи это происки, и виновные будут наказаны. Ты можешь быть спокойна... иди...

В зале повисла тишина.

Мать сжала руку в кулак с такой силой, что под перстнями кожа побелела. На мгновение в ее глазах мелькнула острая обида, но на лице все так же царствовала спокойная улыбка. Ее выставляли вон. При всех.

Таррен устало потер переносицу и добавил:

— Впрочем, я был бы благодарен тебе за помощь. Заткни особо болтливые языки, несколько можно отрезать ради наглядности.

Улыбка на лице женщины стала шире и холоднее. Кажет-

ся, именно этого поручения она ждала:

— Не извольте беспокоиться о слухах, все будет под моим контролем, — с этими словами она поклонилась и пошла к выходу, но у дверей обернулась и смерила меня презрительным взглядом.

Когда дверь за женщиной закрылась, Таррен снова посмотрел на меня.

Немного иначе. Как на проблему, которую нужно решить. И все же было в этом взгляде что-то еще. Память услужливо подкинула его шепот.

Маленькая моя...

Не знаю, как и почему, но когда-то мне досталась частичка его скрытого тепла и заботы. Я снова осмелилась посмотреть в изумрудные глаза дракона. На этот раз с надеждой. Он бывает добр. Может быть, мне повезет?

Он был таким, каким бывают только сильные люди.

Тем, кто может спасти.

И тем, кто может сломать.

Моя судьба зависит от него.

— Начнем допрос, — взмахнул рукой Таррен. — Магистр Робэн, наложите на эту девицу заклинание правды.

Высокий мужчина в темной мантии, расшитой знаками, остановился напротив меня. Его лицо было худым, почти прозрачным, а глаза скрывали янтарные очки — толстые, тяжелые, будто выточенные из застывшего света.

Он прошептал что-то и я почувствовала, как кончик язы-

ка начинает пощипывать. В воздухе появился едва ощутимый запах озона, как после грозы, только сильной.

— Готово, Ваше Величество, — произнес магистр.

Я снова почувствовала на себе острый взгляд Таррена.

— Отвечай, — сказал он негромко. — Кто ты такая? Зачем сорвала мою свадьбу с леди Идд-Фрай?

Я попыталась ответить, честно.

Губы разомкнулись — и ничего не произошло. Ни звука. Даже шепота. Я не понимала, что делать. Как говорить? Пошевелила языком, выдохнула, получился едва слышный стон.

Мое молчание злило дракона.

Я судорожно вдохнула, замотала головой, почти отчаянно, надеясь, что этого будет достаточно. Что он поймет, что я не виновата.

— Она немая? — спросил Таррен, переводя взгляд на магистра Робэна. — Или это уловка?

— Думаю, — произнес маг медленно, — это следствие того, что девица долго пребывала в чужом обличии, Ваше Величество.

— Так она оборотень? — спросил Таррен, приподняв бровь.

По залу прошел шепот. Кто-то отпрянул к стене, кто-то перекрестился, кто-то выругался сквозь зубы.

— Оборотень во дворце. Святотатство!

Казир двинулся первым. Я даже не успела понять, что

происходит, когда он выхватил саблю. Металл блеснул в свете факелов. Движение было отточенным, быстрым.

Он замахнулся, чтобы немедленно отрубить мне голову.

Я успела увидеть блеск металла и подумать, что вот теперь все. Ни крика, ни суда, ни объяснений.

Но удара не последовало.

Хватило одного взгляда Таррена, чтобы Казир замер, будто наткнулся на невидимую стену. Рука с оружием дрогнула и застыла на полпути, мышцы напряглись, но двигаться дальше он не решился. Сабля медленно опустилась.

В зале снова прошел шепоток.

— Это не оборотень, — произнес Верховный маг, нарушив тишину. Его голос звучал ровно, сухо, словно он говорил о чем-то неодушевленном. — Перед нами обычная девица.

Он сделал паузу и добавил:

— Проклятая. Причем дважды.

Таррен нахмурился.

Его взгляд вновь скользнул по мне — медленно, внимательно, словно он видел меня впервые. От этого стало не по себе, я невольно опустила голову, еще крепче обхватив себя за плечи.

— Что это значит? — спросил он. — Что за проклятье?

— В деталях предстоит разбираться, — ответил Верховный маг. — Но если кратко...

Он повернулся к собравшимся, словно читал лекцию.

— Девицу превратили в ящерицу до тех пор, пока кто-то не женится на ней.

По залу прошел ропот.

— Вторая часть проклятия, — продолжил маг, — почти наверняка связана с любовью. Однако я предпочел бы взять время на исследование вопроса и представить нашему владыке точные и проверенные сведения, а не догадки.

Таррен молча кивнул, давая разрешение, и устало потер переносицу.

— Я не заключал с ней брак, — произнес он, наконец. — Я не женился. Почему на моем запястье знаки?

Вперед вышел старший жрец — сухой, высокий старик. Его руки были такими худыми, что казались почти костяными — покрась их в белый, и можно было бы принять за скелет. Он развел ладони, словно извиняясь.

— Магия, мой лорд... — сказал он тихо. — Она сочла иначе. Был ритуал. Жрец произнес заклинание. Вы и девица — пусть и в облике ящерицы — коснулись алтарного камня.

— Это была репетиция! — резко перебил Таррен. — Я расставлял охрану и считал точное время каждого этапа церемонии.

— Вы подошли к вопросу тщательно, мой лорд, — невозмутимо ответил жрец. — Как и всегда. Благодаря вашей разумной внимательности наши земли процветают. Но в этот раз судьба сыграла злую шутку. Вы воспроизвели все шаги ритуала вместе с незамужней девицей... пусть и в образе

мерзкой рептилии. Магия сочла обряд состоявшимся.

Таррен с силой ударил кулаком по подлокотнику трона. Глухой звук прокатился по залу.

— Отмените этот чертов ритуал! — рявкнул он. — Найдите способ.

Он поднялся с трона, откинув белые пряди за спину. Изумрудные глаза светились гневом изнутри, а в голосе появились нотки грудного рычания, словно дракон, скрытый за человеческим обликом, готов был в любую минуту вырваться наружу.

— Через две недели сюда прибудет делегация. Моя невеста. Родственники. Аристократия. Посольство. Мне не нужна ящерица! Мне нужна жена, которая усилит мои права на корону.

Таррен обвел всех тяжелым взглядом, на секунду зрачки сузились до узких полосок. От этого вельможи затаили дыхание, боясь пошевелиться.

— Даю вам два дня, — слова прозвучали, как удар.

С этими словами он шагнул вперед и прошел мимо меня. Я боялась поднять глаза, но чувствовала его присутствие — тепло, силу, запах. Он остановился рядом со мной на мгновение.

Потом я ощутила, как на плечи опускается что-то тяжелое и теплое.

Плащ.

Таррен накинул его на меня, не глядя, и повернулся к Ка-

зиру.

— Выдели девице хорошую комнату. Пусть ее помогут в бане, оденут, покажут врачу.

— Но, лорд... — вырвалось у Казира. — Она же...

— Хочу я того или нет, — перебил его Таррен холодно, — но она моя жена.

Он посмотрел на советника так, что тот осекся.

— Я не потерплю, чтобы ее еще раз выставляли в таком виде на всеобщее обозрение. Ты меня понял?

— Да... да, мой лорд. Конечно.

Казир поклонился.

Таррен развернулся и ушел, не оглянувшись. Я же еще сильнее закуталась в теплый плащ, будто он мог стать моим щитом от жестокости этого мира.

Значит, проклятье...

Глава 3

Казир рывком поднял меня с пола. Магистр в отсутствие дракона заметно осмелел, подошел ко мне и срезал прядь волос прежде, чем я успела отстраниться.

— Не волнуйтесь, советник, мы быстро во всем разберемся. Девица опасности не представляет. Пустышка без магии.

Казир покачал головой:

— Как бы не было беды. Окажемся между госпожой Гневирой и повелителем — расплющит. А если свадьба из-за этой паршивки сорвется, то головы полетят.

Магистр вздохнул и сказал:

— А мы все сделаем, чтобы не наши. Чужие пусть летят...

Казир хмыкнул, взял меня за плечо и повел прочь из зала, но грубо тащить уже не осмеливался. А я шла медленно, только привыкая к тому, что могу сама переставлять ноги.

— Не вздумай что-нибудь выкинуть, — бросил он мне через плечо. — Не кричать. Не падать. Не убегать. Не кусаться. Делай, как скажут служанки, и жива останешься.

На всякий случай я не ответила. Хотела кивнуть, а в последний момент в голове мелькнула мысль, что не стоит лишний раз показывать, что я понимаю их разговоры. Думают, что я не в себе. Пусть думают.

Отсутствие памяти не сделало меня дурой. Теперь, когда страх отступал, а в глазах уже не плясали мушки, я начинала

осознавать свое положение и подстраиваться.

Я смотрела по сторонам, запоминая детали обстановки, маршрут, по которому мы идем. Похоже на большой дворец, старый, судя по стенам. Отдельные строения соединяли крытые стеклянные галереи. За окнами бушевала метель.

Мы свернули в боковое крыло дворца, где коридоры стали уже и ниже, а воздух еще теплее. Пахло мылом, маслами, какими-то травами.

Напомнило запах бани, куда я в детстве ходила с бабушкой. Бабушка...

Она учила меня танцевать, воспитывала. После тяжелых тренировок, когда у меня болели все мышцы, она приводила меня в старую сельскую баню, где пахло вениками, а за печкой жили сверчки.

Воспоминание всплыло в моей памяти и осталось, как часть мозаики, которую я, похоже, еще долго буду собирать.

Значит, меня ведут в баню?

Перед широкой резной дверью Казир остановился, постучал и, не дожидаясь ответа, распахнул ее.

Внутри было светло и тепло. Похоже на небольшую скромно обставленную гостиную, где стайка одетых в простые льняные платья девушек пила чай и смеялась.

— Павра! Работа есть! — крикнул Казир и вернулся в коридор.

К нему вышла женщина лет сорока — плотная, с мягким лицом и теплыми глазами. Волосы убраны под платок, руки

сильные, ухоженные.

— Вот, свалилась тут на нашу голову. Господин велел отмыть, причесать, одеть хорошо. Хорошо, но не слишком, ясно?

Женщина удивленно посмотрела на меня.

— Откуда свалилась? Ничего не понимаю!

— И нечего! — буркнул Казир. — Языком не болтай, лучше дело делай. Повелитель сказал отмыть, значит, отмыть. И комнату гостевую для нее подготовьте. Ту, что в торце.

Павра покачала головой, осмотрела меня осторожно.

— Худая какая, бедняжка. Иди уже, все сделаем, как надо...

А затем она посмотрела мне в глаза и улыбнулась. Просто. Открыто. По-человечески.

Это была первая приветливая улыбка за все время. Я была готова благодарно расплакаться даже из-за такой мелочи.

— Идем, деточка, — сказала она мягко. — Все будет хорошо. Отогреем тебя, умоем.

Казир развернулся и ушел, не оглянувшись. Дверь за ним закрылась. Мне даже дышать стало легче.

Женщина осторожно сняла с меня плащ, осмотрела его и, нахмурившись, быстро вывернула на изнанку и скрутила.

— Это мы, пожалуй, никому не покажем. Сплетни нам не нужны, — с этими словами женщина взяла меня под локоть и повела к резным дверям напротив.

За ними оказалось что-то наподобие раздевалки. Павра

сунула мне в руки стопку тонких полотенец и скомандовала:

— Раздевайся, девочка.

Сама же женщина прошла чуть дальше и позвонила в колокольчик. На звон прибежала стайка девушек в полотенцах.

— Расслабились, шишки моченые?! А ну давай работать быстро! Будем королевский прием для невесты господина отрабатывать! А то приедет, а вы мыло с маслом путаете!

— Так на ком отрабатывать-то? — спросила самая высокая из них.

— А вот на этой девице и отработаете. Чтоб как королеву ее обслужили, а я смотреть буду и судить!

Я сложила остатки своего платья в стопку, обмоталась в полотенце и вышла к девушкам. Они тут же начали хихикать и перешептываться.

— Странная какая...

— Худая.

— Откуда взяли такую?

Павра дала им несколько секунд на шушуканье, а затем крикнула:

— Принцессу тоже будете расспрашивать и обсуждать? За языки не боитесь свои? Госпожа Гневира их с радостью отрежет!

Девушки испуганно притихли, а затем принялись суетиться вокруг меня. Провели через раздевалку в баню.

Она совсем не была похожа на то, что я видела до этого.

Высокие своды, мозаика на стенах, теплый камень под но-

гами. Воздух был влажный, густой, пропитанный ароматами масел, трав и чего-то медового. Где-то тихо журчала вода. Свет был мягким, рассеянным, золотистым.

Я вдруг поняла, что впервые за долгое время могу дышать.

Меня усадили на теплый каменный лежак, накрыли полотенцем, начали осторожно массировать плечи, спину, руки. Масла пахли травами и солнцем. Движения были уверенные, заботливые. Боль в мышцах отступала, тело постепенно переставало быть чужим.

После страха и холода я чувствовала себя, как в раю. И никто не смел торопить меня. Наконец-то я смогла взять себя в руки.

После мыла и масел, меня проводили в следующий зал, где меня ждала глубокая ванна с пеной. Вода чуть заметно пахла серой.

Я легла, вытянув ноги, и впервые за все это время позволила себе закрыть глаза. Пока я лежала, мне осторожно перебирали и расчесывали волосы, а я смотрела в сводчатый потолок и собирала себя по кусочкам.

Самое важное — это имя.

Я вспомнила, что меня зовут Марина.

Я — Марина, и я не из этого мира.

Как я оказалась здесь?

От раздумий меня отвлекли девичьи разговоры. Я лежала в теплой воде, почти по плечи скрытая пеной, и старалась

дышать ровно.

Девушки, заметив, что я никак не реагирую на их болтовню, решили, что я или глухая, или немая, а может и все сразу. Осмелели и начали живо обсуждать в голос все, что происходило во дворце.

— А я видела сегодня лорда, — прошептала одна, и в голосе у нее звучали нотки восторга.

— Во сне? — съязвила ее соседка.

— Вместо сна! Я до ночи вышивала, смотрю, вышел на балкон, девочки. В брюках и рубашке. У него такие плечи, мамочки!

Кто-то тихо хихикнул.

— Красивый он. Глаза как изумруды. Я когда близко стояла — чуть не забыла, как дышать.

— Это когда ж ты рядом стояла?

— А вот было такое! Когда леди Тиара на мне наряды шила и показывала. Она меня к нему привела. Ох, девочки, как он смотрел! Никогда этот взгляд не забуду.

— Жалко только, — вздохнула третья, — что он решил взять в невесты эту... из Долины. Аристократку.

— Вот именно! — подхватила первая. — А мог бы сделать счастливой одну из нас.

— Я бы не отказалась лежать у его ног, — прошептала девушка мечтательно, — лишь бы он был моим повелителем.

— Ой, тише ты! — приснула другая. — Совсем тронулась.

— А что? — не унималась первая. — Я однажды видела его без рубашки.

Она сделала выразительную паузу. Смех стал громче.

— Ты с ума сошла, — фыркнула третья. — Всех любовниц дракона ждет одно. Госпожа Гневира изводит их по одной. Стоит лорду-дракону на кого-то глаз положить — считай, конец.

— Неправда! — возмутилась первая.

— Правда, — отрезала вторая. — Уж поверь.

Наступила короткая пауза, наполненная шепотом воды и тихим плеском.

— А все потому, — задумчиво сказала четвертая, — что на Севере нельзя иметь гарем.

— Да-да, — снова смех. — У лорда-дракона южных Островов семь жен! Семь счастливых женщин, у каждой по дворцу.

— Быть седьмой женой — фу!

— Ничего ты не понимаешь в жизни, — подытожила первая. — Так и будем драить, да стирать всю жизнь. А наш повелитель приезжей достанется.

Я лежала неподвижно, делая вид, что мне все равно. Что я не понимаю их слов, не знаю имен, не улавливаю смыслов. На деле, через эту болтовню я понемногу вспоминала, что это за мир.

Мир, в котором правят драконы. Мир, в котором есть магия и волшебство. Мир, в который иногда попадают такие,

как я. Без магии, без денег, без связей.

Попаданка. Пустышка.

Как меня только не оскорбляли. Но я не пропала. У меня была цель, была мечта, был стальной стержень и гордость. Благодаря им я выжила и поднялась со дна. Значит, я сделаю это снова. Верну свой голос, контроль над своим телом, а затем и свободу.

Я перевела взгляд на девушек, едва ли они были моложе меня. Кто-то даже старше, но между нами была пропасть из боли и опыта. Хотела бы я им сказать, что никогда нельзя верить свою жизнь в руки мужчины. Рассчитывать на спасение. Верить, но толку? Они бы не поверили. Только бы смеялись и продолжали мечтать.

А я погрузилась в теплую воду, прикрыла глаза и начала набираться сил. Они понадобятся мне для побега.

Через некоторое время болтовню девушек оборвала Павра, ворвавшаяся в баню, как ураган.

— Куры безмозглые, чего клювы чешете? При принцессе тоже трепаться будете? Языки запасные отраслили?

Девушки спохватились и принялись за работу. Мыли мне волосы долго и тщательно, массировали руки, ноги. А Павра следила, чтобы все было по-королевски.

Затем пришла пожилая дама и сняла с меня мерки, долго шепталась с Паврой, затем ушла.

Когда меня наконец усадили, укутали в полотенца и отвели в комнату, я уже была разомлевшая. На мраморном сто-

лике меня ждал горячий ягодный напиток с пряностями, сухофрукты и печенье.

Я сделала первый глоток — и только тогда поняла, насколько голодна. Пила жадно, обжигаясь, а потом ела сладкие, тягучие сухофрукты, не стесняясь.

Девушки только улыбались.

— Ешь, ешь, — сказала Павра. — Силы нужны. А то такая худая, что ветром сдует.

После перекуса меня обернули в теплый бархатный халат, выдали вместо обуви что-то вроде валенок, смешных и уютных.

Я снова почувствовала себя человеком.

Меня вывели из бани, по уже знакомому коридору, и подвели на два этажа выше.

— Здесь твоя комната, — сказала Павра. — Отдохни немного. Поспи. А мы тебе пока одежду подошьем.

Комната оказалась теплой.

В камине горел огонь. Пламя отбрасывало мягкие тени на стены. В нишах стояли благовония, керамика, какие-то мелочи вроде зеркал и расчесок.

Вместо шкафов — сундуки. Большие, крепкие, с потертыми углами и резными крышками.

У окна раскинулся большой диван, а остальное место в комнате занимала кровать. Она была широкой, с высоким изголовьем, застеленной плотным темным покрывалом.

Я села осторожно, потом легла.

Матрас оказался мягким. Слишком мягким. Он словно принял меня в себя, подстроился, поддержал каждый изгиб тела. Я невольно напряглась, пытаюсь удержаться на поверхности. Я вдруг вспомнила, как спала раньше — на жесткой кушетке, на тонком матрасе, почти на досках.

Это нужно было для дисциплины и для осанки. А ведь осанка у меня была великолепная, я же балерина.

С осознанием этого я закрыла глаза.

Глава 4

Из дремы меня выдернули голоса. Еще до конца не проснувшись, я уже поняла, что говорили про меня.

Один голос низкий, глухой — Казир. Второй, резкий, хлесткий — госпожа Гневира.

Они говорили прямо перед моей дверью, звук прекрасно доносился через щель. Я лежала, притаившись, на случай если они войдут. Пусть думают, что я сплю.

— Ты понимаешь, в какое положение нас поставила эта девица? — прошипела женщина. Я чувствовала ее злобу даже через дверь. — И вместо того, чтобы кинуть ее за решетку, где ей самое место, ты селишь ее в лучших гостевых покоех?

— Я исполнял приказ, госпожа, — с почтением ответил Казир. Его голос был ровным, но в нем чувствовалось напряжение. — Господин так велел, кто я, чтобы ему перечить?

— Ты его советник! Правая рука! Вы скоро породнитесь! И если ты видишь, что мой царственный сын совершает ошибку, то должен ему об этом сказать. Думаешь, молчание сохранит твою голову на плечах?

Камин почти погас. В комнате было темно, только слабый отсвет углей дрожал на стенах. Я не видела лица Гневире, но представляла ее холодный, полный презрения взгляд. От этого становилось мерзко.

— Госпожа, помилуйте. Вы же знаете, что возражать Гаррону, еще и на глазах у всех — это самоубийство.

— А ты действуй мягко, осторожно. Ты стал советником не благодаря уму и честности, а потому, что знал, когда нужно закрыть глаза, когда нужно улыбнуться, а когда действовать на моей стороне. Вспомни, благодаря кому ты здесь. А теперь пропусти меня к этой оборванке.

Несколько секунд Казир молчал, словно взвешивал все «за» и «против», а затем сделал шаг в сторону и открыл перед женщиной дверь со словами:

— Как скажете, госпожа...

Госпожа Гневира вошла в комнату так, будто я была здесь по недоразумению.

Я сидела на краю кровати, сжимая полы халата, и подняла на нее взгляд — медленно, неуверенно, будто не до конца понимая, кто передо мной и чего от меня хотят. На всякий случай. Инстинкт подсказывал: лучше показаться глупой, чем смелой.

— Встань, — сказала она приказным тоном.

Я не сразу пошевелилась. Секунду помедлила, потом поднялась, неловко, словно неуверенная в собственных ногах. Пусть думает, что я плохо понимаю. Пусть решит, что со мной что-то не так.

Гневира обошла меня по кругу.

— Мелкая, худошавая, — произнесла она с раздражением. — Слишком хрупкая для служанки.

Я моргнула. Опустила взгляд, словно слова до меня не доходили. На самом деле я боялась, что не сдержусь и отвечу ей.

— Волосы... — она больно дернула прядь у меня за плечом, — тонкие, пушистые и желтизна эта. Ни туда, ни сюда. Как метелка.

Я закусила губу. Не то, чтобы я была неженкой, но очень неприятно, когда к тебе относятся, как к вещи. Но если я огрызнусь — назад дороги не будет.

— Она немая? — бросила Гневиря через плечо.

— Похоже на то, госпожа, — отозвался Казир.

Он стоял у окна, спиной ко мне. Руки сцеплены за спиной, плечи напряжены. Он сознательно не смотрел в мою сторону, словно опасался, что взгляд задержится дольше положенного.

Гневиря вдруг остановилась прямо передо мной, грубо схватила за подбородок и приказала:

— Рот открой.

Я только плотнее сжала зубы. Тогда ее пальцы резко сомкнулись на моем подбородке, мне стало больно, и я рефлексивно дернулась.

Гневиря беспардонно пыталась раздвинуть мне губы, чтобы заглянуть мне в рот, словно я лошадь какая.

— Зубы покажи, кому говорю!

Я резко рванулась, вырывая подбородок из ее пальцев, и отступила на шаг, тяжело дыша.

Я увидела, как лицо Гневиры меняется. Как тонкая линия рта сжимается. Она занесла руку, чтобы дать мне пощечину, но дверь открылась, и на пороге появилась старушка с чемоданчиком.

— Госпожа, лекарка по вашему приказу.

Рука Гневиры замерла в воздухе. Она медленно опустила ее, не сводя с меня взгляда, и в этом взгляде было обещание разобраться со мной позже.

— Осматривай, — сказала она лекарке и отступила в сторону.

Лекарка кивнула. Ни тени подобострастия, ни суеты. Она поставила чемоданчик на столик, открыла его и подошла ко мне.

— Руки расслабь, — сказала она тихо. — Не причиню боли. Посмотрю только.

Ее пальцы были теплыми. Уверенными. Она осторожно коснулась плеч, провела ладонью по спине, проверяя, как я держусь, как реагирует тело. Взяла трубку, послушала мое сердце, дыхание.

— Худенькая, — пробормотала она без осуждения. — Но сильная. Гибкая ветка, такие не ломаются. Гнутся — и обратно встают.

— Почему она не говорит? — резко спросила Гневиря.

— Посмотрим, госпожа, — спокойно ответила лекарка.

Она жестом попросила меня приподнять подбородок. Я напряглась, но в ее движениях не было ни резкости, ни дав-

ления. Она осмотрела шею, пальцами едва касаясь кожи, потом показала на рот.

— Можно? — спросила она меня взглядом.

Я помедлила секунду... и открыла рот. Она заглянула внутрь бережно, потом посмотрела через зеркальце на ножки, еще немного пощупала горло.

— Видала такое, — сказала она наконец. — Когда напугают сильно, некоторые речь теряют. Вот так у них горло и выглядит. Все сжалось. Так, что и крика лишний раз не пропустит.

— А она понимает нас? — спросила Гневиря, прищурившись.

Лекарка пожалала плечами.

— Может, и понимает. А может, и нет. Иномирная она.

— Что?! — вырвалось у Гневиря.

Казир резко обернулся и впился в меня взглядом, будто пытался рассмотреть что-то новое. Я невольно вздрогнула, обхватывая себя руками.

— Иномирная, как есть, — уверенно сказала лекарка. — Я таких видала. Все у них вроде как у наших. Все, да не все. Волос другой. Ноготь другой. Стопы — чудные. Кожа. Ветры ее другие обдували. Солнце на нее другое светило. Магии в детстве не знала.

— Это точно? — прошептала Гневиря.

— Хоть руку отрежьте, — кивнула лекарка. — Не ошибусь.

Гневира молча сняла с шеи ожерелье с сапфирами и вложила его в ладонь лекарке.

— Ступай, — сказала она. — И молчи об этом. Ты это умеешь.

Лекарка сжала ожерелье, кивнула, быстро собрала чемоданчик и вышла, не оглянувшись.

В комнате повисла тишина. Гневира начала медленно обходить меня по кругу, словно коршун, выбирающий, с какой стороны ударить.

— Не думаю, что девушка такая уж угроза. Раз иномирная, то никто за ней не стоит. Вдобавок она чудаковатая.

— Чудаковатая, как Тиара, — хмыкнула Гневира, — это плохо. Таррен в Таре души не чает. Я знаю сына, ему нравится все необычное, не такое. И эта замарашка может ему приглянуться. Нужно избавиться от нее раньше.

— Маги ищут способ отменить ритуал, — начал было Казир, но Гневира грубо оборвала его.

— Не прикидывайся дураком, — отрезала Гневира. — Ты прекрасно понимаешь, что символы на ее запястье исчезнут, когда она сама исчезнет. Свадьба с Идд-Фрай должна состояться. Делегация прибудет через две недели. Нужно решить проблему, иначе мы потеряем все.

У меня пересохло во рту, очень тяжело было делать вид, что я не понимаю их разговор.

— Господин не позволит, — сказал Казир после короткой паузы.

— Господин упрям, — ответила она холодно. — Но не глуп. Он сделает правильный выбор, когда поймет цену ошибки. Наша задача — помочь ему. Чем быстрее, тем лучше. Ты понимаешь, что я от тебя хочу, Казир? — спросила Гневира.

— Понимаю, госпожа.

— Тогда действуй. И аккуратно, — в ее голосе прозвучала усмешка.

Глава 5

За этим разговором Гневир и Казир вышли, дверь за ними закрылась. Несколько долгих секунд я просто стояла посреди комнаты, слушая, как стихает эхо шагов за стеной. Потом подошла к двери и осторожно приложила ладонь к дереву. Тишина. Значит, действительно ушли.

Я выдохнула.

Теперь нужно хорошенько подумать. Как они попытаются от меня избавиться? Вряд ли просто отослать куда-то. Девушки в бане обсуждали незавидную участь всех, на которого положил глаз лорд Таррен. А уж с его случайной женой разбираться будут еще круче.

Моя смерть — вот решение всех проблем. Дракон становится вдовцом, никто не успевает узнать обо мне, можно жениться снова на той... принцессе? Аристократке? Не важно.

Значит, времени у меня немного. Ждать нельзя. Я смутно помнила, что в этом мире я была не одна. Кто-то заботился обо мне то время, пока я была заточена в чужом теле. Контроль над телом возвращается, значит и вернуться воспоминания. Останусь жива, все вспомню, мне помогут.

Только как отсюда сбежать? За дверью стража.

Я подошла к окну.

За стеклом царствовала зима. Снег летел густыми хлопьями, кружился, мягко ложился на откос. Черные ели стояли

ниже, плотной стеной, их ветви гнулись под тяжестью снега. Где-то между ними угадывалась тропа, но дальше все тонуло в белизне. Тонкие струйки дыма подсказывали, что ближайшее укрытие не близко.

Я прижалась лбом к холодному стеклу и посмотрела вниз. Земля была далеко. Прыгать — значит убиться сразу.

А если простыни?

Мысль пришла сама собой. Я оглянулась на кровать. Большая. Простыней и пододеяльников хватит... на сколько? На пару метров? На три?

Я прикинула высоту окна, длину стены. Даже если связать все, что есть, — не хватит.

С другой стороны, на стене может быть какой-то выступ или балкон. Нужно свеситься и посмотреть.

Я потянулась к раме и попробовала открыть окно.

Оно поддалось не сразу. Пришлось приложить усилие. В щель тут же ворвался ледяной воздух — резкий, колючий.

— Э-э! Ты что делаешь?!

Голос раздался совсем рядом.

Я вздрогнула и не успела отпрянуть, когда меня схватили за локоть и оттащили от окна.

— Ты в своем уме?! — возмутилась Павра. — После бани — и окно открывать! Да тебя ж продуть может!

Она захлопнула окно с таким видом, будто спасла меня от неминуемой гибели. Затем она поставила меня посреди комнаты и стянула халат прежде, чем я успела пикнуть.

— Ну-ка, стой ровно. Ровно, говорю, — буркнула она, но без злости. — Вот так... ага. Сразу другое дело.

Швея уже кружила вокруг, прищурившись, как художник перед чистым холстом.

— Худенькая, — пробормотала она задумчиво.

— Изящная, — поправила ее Павра и подала первое платье: кремовое, мягкое.

Похоже, оно было пошито из смеси хлопка с шелком. Длинная юбка в пол, вшитый корсет, длинные рукава. Я чувствовала себя в нем вполне комфортно, но это от того, что корсет был мне велик и не мешал дышать.

— Весенний цветочек, — пробормотала швея и хмыкнула. — Вот ведь. Всем — никак, а ей — самое то.

Она задумчиво провела пальцем вдоль линии талии.

— Тут подчеркнем. Тут смягчим. А сюда бы цветы.

— Цветы?

— Ага. Не яркие. Тон в тон. Пусть будто выросли сами.

Она принесла тонкие вышитые шелком веточки, с едва заметными розовыми бутонами и зелеными листьями. Их прикололи к корсажу. Как назло, зеркала не было, но мне очень нравился цвет.

— Не слишком ли мы разряжаем девицу? — с сомнением спросила швея, отступив назад.

— Лучше одеть богаче, чем беднее.

Она окинула меня взглядом с головы до ног.

— А вдруг это родственница невесты? Или подружка? А?

Явно ж не служанка.

Швея прищурилась внимательнее.

— Кожа... — сказала она. — Руки работы не видели и осанка такая... особая.

— Видишь, — кивнула Павра. — Как себя держит. Не каждая госпожа так умеет.

Швея покачала головой, принимая аргументы:

— Ладно. Сделаем как для принцессы. Давай следующее.

Павра уже протянула швее розовое платье. Ткань была тонкой, струящейся, юбка ложилась мягкими волнами, а длинные рукава чуть расширились к запястьям.

— Это для приема, — сказала Павра деловито. — Но украшений бы добавить, может, жемчуг?

Швея быстро подколола корсаж, подтянула талию.

— Может и жемчуг, — признала она неохотно.

Я стояла, глядя в стену, и чувствовала, как ткань скользит по коже. Что толку от этой красоты, если меня в ней в гроб положат?

— А теперь последнее, — сказала Павра и вытащила третье платье.

Оно было теплого зеленого цвета, глубокого, насыщенного. Бархатное и тяжелое, оно обнимало и грело. Похоже, оно предназначалось для путешествий и для выхода, потому что Павра и швея обсуждали, что надевать сверху, шубу или еще что. Какую шапку подобрать к моему лицу. Я уже не слушала, думала только о побеге.

Как без одежды сбежать в такой холод? Нужны хотя бы сапоги.

— Все, — сказала швея наконец. — Подгоню по фигуре, цветы дошью, жемчуг сделаю. Завтра будет готово.

Она собрала платья, кивнула Павре и вышла, а Павра повернулась ко мне и уперла руки в бока.

— Ну и что с тобой, девочка? — спросила она прямо. — Тебе такие наряды... а ты стоишь, грустней чем до бани была. Что такое? Говорить не можешь, так покажи?

Я посмотрела в добрые глаза Павры и подумала, может, рискнуть? Попробовать объясниться, просить помощи?

Для начала понять бы, могу я вообще говорить? Я набрала полную грудь воздуха и открыла рот.

Звук вышел глухой, неровный. Я попробовала еще раз, медленнее, осторожнее. Получилось чуть лучше, но все равно — ни слова, ни смысла. Один сплошной комок звуков. Не могла даже выговорить простое «мама».

Павра нахмурилась, прислушиваясь, потом покачала головой.

— Эх... — вздохнула она. — Не мучайся. Покажи лучше, чем мычать.

Я кивнула и сделала единственное, что пришло в голову.

Я выпрямилась, задрала подбородок, сжала губы в тонкую линию и прошлась по комнате мелкими шагами, воображая длинный шлейф. Одной рукой будто подбирала юбку, другой — делала резкий, властный жест. Потом остановилась,

смерила Павру ледяным взглядом и брезгливо скривилась, словно передо мной стояло что-то крайне неприятное.

Павра замерла, а потом расхохоталась.

— Ох ты ж... — она хлопнула себя по бедру. — Да это ж леди Гневира. Ловко у тебя получается, покажи-ка еще разок?

Я показала, конечно, а потом показала, что Гневира меня душит и я умираю.

— Ну да, — сказала Павра уже тише, посерьезнев. — От нее ты держись подальше, девочка. Загубить может.

Она присела на край сундука, сложив руки на коленях.

— Скоро наш господин уедет в соседние земли править, — продолжила она вполголоса. — А страна на нее останется. Она этой власти давно ждет. Пока только юбками помыкает, а хочет и штанами.

Я слушала, не перебивая.

— Ей много в жизни вынести пришлось, так ее так закалило, что перекалило. Никому спуску не дает. Контролирует все, что может. А сейчас у нее со здоровьем что-то, так и вообще злая стала. Только ищет на ком пар спустить. Старайся не попадаться ей.

Я еще раз показала, как она меня убивает, но Павра отмахнулась. Не поняла, что я всерьез говорю, продолжила о своем:

— Тиару, деточку, только жалко, — вздохнула она. — Изведет ее совсем. Лишь бы господин Таррен ее с собой забрал,

не оставлял здесь одну...

Она вдруг встрепенулась, словно опомнилась.

— Так, — сказала она решительно. — Разболталась я тут с тобой. Давай уже. Одевай халатик и в кроватку. И косу не забудь заплести, слышишь? А то зачем мы на тебя масла травили, если наутро с гнездом встанешь... ах... вот еще.

Она порылась в кармане и вынула небольшой платок.

— Давай-ка запястье твое прикроем.

Я протянула руку.

Павра аккуратно повязала платок поверх метки, скрыв ее тканью.

— Не знаю, кто ты на самом деле, — сказала она тихо. — Но животом чую: не надобно тебе эту свадебную метку лишний раз показывать. Пусть думают, судачат... а правда тишину любит.

Она мягко сжала мою руку и кивнула. В этот момент, после короткого стука дверь распахнулась.

Слуги вошли цепочкой, один за другим, и комната вдруг наполнилась запахом еды. На столик у камина поставили широкий поднос, потом еще один.

Фрукты: темный виноград, разрезанные гранаты, груши, яблоки, какие-то незнакомые плоды с золотистой кожицей. Тарелки с булочками — теплые с румяной корочкой. Печенья всех форм: завитки, сердечки, тонкие ломкие пластины с орехами.

Шпажки с мясом, миски с соусами, рулеты, ломтики ры-

бы, золотистые шарики, посыпанные чем-то зеленым и ароматным. И кувшин — стеклянный, с теплым паром над горлышком, пахнущий медом и специями.

Я смотрела на все это и чувствовала, как внутри от голода скручивается желудок.

Слуги расставили блюда молча, аккуратно, не глядя мне в глаза, и так же молча отступили к двери.

Павра дождалась, пока слуги уйдут, оглядела стол, удовлетворенно кивнула и, не стесняясь, сунула руку в блюдо со сладостями, затем прихватила золотистые плоды.

Я инстинктивно схватила ее за запястье и покачала головой. Павра удивленно посмотрела на меня.

— Что? — усмехнулась она. — Считаю, что это налог на доброту.

Я отпустила ее руку и схватилась за собственное горло, широко распахнув глаза, изображая, как задыхаюсь и падаю.

Павра нахмурилась.

— Ворованный кусок горло перекроет, что ли? — спросила она с недоумением.

Я снова покачала головой и повторила пантомиму — но уже иначе. Я выпрямилась, задрала подбородок, сделала резкий жест рукой, как будто приказывала. Потом снова — хватка за горло. И холодный, презрительный взгляд. Павра махнула рукой.

— Ой, — сказала она с усмешкой. — Если Гневире захочет тебя убить, травить не будет. Это женский почерк, на нее

сразу укажет. Я бы ставила на удушение. Или кинжал.

У меня похолодело внутри. Я почувствовала, как лицо становится белым, как пальцы немеют. Павра расхохоталась и хлопнула меня по плечу — крепко, по-доброму.

— Да не смотри ты так! — сказала она. — Шучу я. Ну не могла же ты перейти Гневите дорогу так, чтоб она от тебя избавиться решила.

С этими словами она прихватила со стола булочку и сказала:

— Поешь и спи, завтра тебя рано будить буду.

Я замахала руками, но Павра так и не восприняла меня всерьез. Я теперь переживала, что ее могут отравить. Или она права? Есть-то очень хочется.

Дверь за Паврой закрылась, и я осталась одна. Плюхнувшись на кровать, я начала придирчиво рассматривать угощения на столике. Есть хотелось ужасно, но жить хотелось еще больше.

Допустим, Гневира все же решила меня отравить, не будет же она поливать ядом все? Наверняка его куда-то замешали. Пирожные и пирожки лучше не есть, а фрукты наверняка будут безопасны.

Я взяла плод с золотистой кожицей, повертела его в руках. Он был довольно тяжелый и холодный. Никаких следов от укусов или странного налета.

На всякий случай я открыла окно, сгребла с выступа снег и протерла фрукт, затем вытерла краем простыни и только

потом откусила.

Вкус был ярким, похоже на хурму, но не такую сладкую и вяжущую. Плотная мякоть была сытной, и я не сдержала стона. Кажется, я уже пробовала его раньше. Но не как человек.

В голове вспышкой пронеслось еще одно воспоминание. Скрипучий голос, который шептал проклятье.

«За то, что отвергла его,
пресмыкаться тебе до тех пор,
пока не женится на тебе кто-то.
Не стать тебе человеком,
пока не полюбит
и не поцелует тебя суженый»

Я вскочила с кровати, чуть не подавившись фруктом. Вот что случилось! Я отказала графу, а он натравил на меня ведьму. Она превратила меня в какую-то мерзкую тварь и я жила без надежды много лет. На меня смотрели с отвращением и безразличностью, иногда с жалостью, не подозревая, что я человек. А что было потом? Как я оказалась у дракона?

Темнота. Ни воспоминаний, ни догадок.

Я подошла к окну, чтобы подставить лицо холодному воздуху и полюбоваться закатом. Метель утихла, по небу растеклись яркие краски, отражаясь от свежих сугробов. Можно было разглядеть горную гряду неподалеку, а правее, кажется, был город.

Красиво.

Что ж, теперь, когда я снова человек, я найду способ сбежать отсюда, вспомнить все и снова стать собой. Балет — это моя мечта, то, чем я жила долгие годы и никакое проклятье, никакой граф или даже дракон не смогут мне помешать.

Я улыбнулась закату и вдруг почувствовала, как по позвоночнику пробежал разряд.

Тепло в груди сменилось жгучей болью. Мир качнулся, вытянулся. Я ахнула — и звук оборвался на полпути.

Я рухнула на пол. Сначала я подумала, что это отравление. Что Гневиря все же решила расправиться со мной, а потом мир стал слишком большим, и меня поразила следующая догадка.

Я снова была маленькой. Мир изменился, а точнее, мои глаза. Я стала видеть четче, резче. Контуры предметов проступили ясно, тени перестали быть густыми. Я различала каждую складку покрывала, трещинку в камне, пылинки, зависшие в воздухе.

Холод пола проникал в мои лапы и морозил их, было неприятно, почти больно, я с легкостью заползла на табурет, затем на столик и посмотрела на себя в зеркало.

Маленькое тело с жемчужным отливом чешуи. Яркие голубые глаза, тонкий длинный хвост.

Я открыла рот. Попробовала что-то сказать, но не вышло ни звука. Только тихое, бесшумное движение челюстей.

Ну почему? Почему снова?

«... Пока не женится на тебе кто-то, пока не полюбит и

не поцелует...»

Видимо, случайный брак снял только часть заклятья. Чтобы избавиться от него полностью нужен поцелуй любви. Как в сказке?

Только вот я не чувствовала себя как в сказке. Скорее в каком-то бесконечном кошмаре. И что теперь делать? Я перебралась на кровать, вскарабкалась на подушку, прижалась к складке одеяла, свернулась клубочком.

Наверняка с первыми лучами солнца я превращусь обратно в себя. И вот тогда...

Мысль оборвал странный звук. Тихо скрипнула дверь. Кто-то проник в комнату без стука.

Я замерла.

В спальню скользнула тень. Человек в черном — с головы до ног, лицо скрыто маской. Он двигался осторожно, уверенно.

Кто это может быть? Таррен? Зачем ему скрываться в собственном дворце? Может граф узнал обо мне и решил отомстить? Или кто-то, кого я не помню, хочет меня спасти?

Глава 6

Я затаилась, стараясь стать как можно незаметнее, раствориться в складках подушки. Холод ткани проникал под чешую, но я не позволяла себе ни одного движения. Если не шевелиться — есть шанс, что меня не заметят в темноте и на белой подушке.

Человек подкрался ближе. Он двигался осторожно, уверенно. Добравшись до кровати, он ухватил край одеяла, потянулся и достал что-то из-за пояса.

В отблеске луны блеснуло изогнутое лезвие кинжала. Хорошо, что я не могла говорить, а то бы вскрикнула. От ужаса я не могла пошевелиться, к счастью, нападавший меня пока не заметил.

Он откинул одеяло в сторону и вонзил кинжал туда, где должна была спать я.

Лезвие ушло в мягкую перину.

Мужчина замер, но всего на секунду. Затем он резко наклонился, заглядывая под кровать. Видимо, думал, что я спряталась там.

И именно в этот момент страх немного отступил, и я почувствовала собственные лапы и бросилась бежать. Подушка, простыня, ковер, стул, подоконник, приоткрытое окно.

Там, где человеческое тело не нашло бы опоры, я почувствовала ее сразу — шероховатость камня, микротрещины,

неровности, за которые с легкостью цеплялись лапы ящерицы. Я поползла вниз, радуясь свободе и безопасности.

Камень под лапами был шершавым, надежным, я быстро спускалась вниз, почти не задумываясь о том, что делаю. Ночь была моей союзницей, темнота — укрытием. Я представила, как спрячусь в какой-нибудь повозке или чьей-то сумке, доберусь до города, оттуда куда-нибудь дальше, но потом холод начал добираться до моего тела.

Не сразу. Сначала как легкое покалывание, потом как тупая, вязкая боль. Лапы начали терять чувствительность, движения стали неловкими, неточными. Я попыталась ускориться — и только тогда поняла, что больше не управляю телом так, как минуту назад.

Глупо, как глупо было не подумать, что ящерица — хладнокровное. Нужно было взять волю в кулак и ждать, когда убийца сбежит через дверь, рвануть за ним. Так бы я была в тепле.

А теперь я норовила сорваться, упасть в сугроб и замерзнуть насмерть. Возможно, с первыми лучами солнца я превращусь обратно в себя, покрытая корочкой льда. Или не проснусь вовсе.

Лапы слабели, хвост перестал слушаться, и в какой-то момент камень просто ушел из-под меня. Я сорвалась, но к счастью падение оказалось коротким. Мне удалось выправить хвост, поймать порыв ветра и упасть на край балкона.

Я лежала, распластавшись, и медленно дышала, боли не

было, но сердце билось все реже. К счастью, рядом была приоткрытая створка.

Из нее струилось тепло — густое, живое, пахнущее огнем и бумагой.

Собрав последние силы, заползла внутрь, цепляясь лапами за край камня, рискуя замерзнуть прямо на пороге спасения.

Я втянула свое тело в комнату и заползла под штору. Внутри было тепло. Я прижалась к полу, затаилась, позволяя телу оттаивать. Наконец, когда лапам вернулась подвижность, я выглянула и замерла.

Это была не спальня. Что-то наподобие кабинета.

Камин. Большой стол, заваленный бумагами. Полки с книгами, свитками, чернильницы. И человек — высокий, широкоплечий, склонившийся над столом, освещенный огнем и несколькими лампами.

Таррен.

Он стоял спиной ко мне, сосредоточенно читая, что-то отмечая на полях.

Я застыла, мечтая слиться с полом. Возможно, остаться в комнате с убийцей было бы безопаснее. Таррен будто услышал мои мысли или почувствовал меня.

Обернулся, окинул взглядом комнату, присмотрелся к месту, где только что была я, а затем хмыкнул, сделал два шага и захлопнул балконную створку, отрезая мне путь к бегству.

Тепло постепенно возвращалось, вместе с ним подвиж-

ность. Я прижалась к полу под тяжелой шторой. Таррен задержался у окна, прищурился и обвел комнату взглядом.

В его движениях чувствовалась манера хищника, который почуял вторжение на его территорию.

Я не видела его лица, но почувствовала перемену почти физически, будто воздух в комнате сгустился. Таррен расправил плечи, втянул носом воздух и замер, прислушиваясь к пространству — не ушами, чем-то другим. Драконе́й сущностью, наверное.

Рука Таррена медленно поползла к кинжалу. Когда он все же повернул голову в мою сторону, свет ламп скользнул по его лицу, и я увидела глаза. Зрачок стал вертикальным.

У меня тут же началась паника. В облике ящерицы он мог раздавить меня одним движением.

Он сделал шаг в мою сторону.

Еще один.

Я уже была готова сорваться с места и бежать куда глаза глядят, когда за дверью раздались голоса.

— Нельзя, — сказал стражник глухо и устало. — Господин занят.

— А мне все равно, — ответил девичий голос, звонкий и упрямый. — Господин второй день не завтракает. А когда он не завтракает, он злой.

— Но сейчас ночь!

— Господину виднее, ночь сейчас или завтрак.

В комнате что-то изменилось.

Я увидела, как напряжение в плечах Таррена спало, зрачки вернулись в человеческий вид, а на лице дракона появилась улыбка.

Она так резко и так неожиданно преобразила его, что я невольно залюбовалась чертами его лица, смягчившимися, живыми, теплыми.

— Пропустите, — крикнул он стражникам.

Дверь распахнулась.

В комнату вбежала девушка.

Босая. В длинном синем бархатном платье. На голове — зимняя шапка с меховой опушкой, надетая криво, будто второпях. А поверх нее — королевская диадема, сияющая сапфирами и совершенно неуместная.

Девушка в обеих руках держала поднос, на котором уже что-то расплескалось.

— Вот, — сказала она деловито. — Я принесла. Завтра утром ты не ел.

— Садись на диван, — сказал Таррен мягко, забирая поднос из ее рук.

Он усадил девушку на диван у камина, сам опустился рядом и поставил поднос на низкий столик. Девушка тут же подтянула ноги под себя, устроилась по-детски, глядя на него снизу вверх.

— Ты пришла сюда, чтобы меня покормить? — Дракон отломил кусок лепешки, макнул его в паштет и протянул девушке.

Она с аппетитом принялась есть и вид у нее был куда голоднее, чем у дракона.

— Я забыла, что собиралась забыть, — серьезно ответила она. — Значит, уже вспомнила. А где Марина?

Я вздрогнула, услышав свое имя из уст девушки. Таррен пожал плечами, все также улыбаясь, разлил чай по стаканам.

— Не знаю, а кто это? — спросил он, пододвигая тарелку с виноградом собеседнице.

— Это ты должен ответить, кто она для тебя. Но это будет потом, очевидно, — девушка осмотрелась в комнате, вздохнула и принялась есть угощение, которое сама же и принесла.

— Почему у тебя корона поверх шапки?

— Потому, что внишу шьют очень острое платье, — девушка говорила с набитым ртом, так что сложно было разобрать слова, — острое...

— Комкое? — попытался угадать дракон, — Мокрое?

— Красное!

Таррен откинулся на спинку дивана и отпил чай с улыбкой.

— И как это связано с шапкой?

— Красный — это очень громкий цвет. Громкое платье. Пришлось надевать на голову что-то звуконепроницаемое. Зачем платье, если ты уже женат?

Таррен посмотрел на девушку внимательно, потом осторожно снял с ее головы меховую шапку.

— Это платье для тебя, — сказал он негромко. — Ты выросла, дорогая моя.

Тиара нахмурилась.

— Я выросла? Тогда можно мне открыть свою лавку в большом междумирном базаре?

— Нет! — воскликнул он.

— Тогда не выросла. Ты обещал, что когда я вырасту, то...

Таррен поймал руки девушки и чуть сжал.

— Тиара, душа моя, радость. Я скоро получу корону и уеду править. Я хочу, чтобы у тебя был муж, который о тебе позаботится, когда я далеко.

Тиара посмотрела на Таррена пристально, серьезно, затем вскочила с места и начала ходить по комнате, размахивая руками.

— Ты женишься ради власти. Все женятся ради власти. Наша мать любит власть. Она ее гладит... как кота. Но власть не мурлыкает! Понимаешь? А я мурлыкаю! Не пойду замуж дурацкий...

На глазах девушки выступили слезы, она продолжала расхаживать по ковру, сжимая руки в кулаки.

— Прикажи платью замолчать!

Таррен поднялся, поймал взбудораженную девушку за плечи и крепко обнял, прижимая к себе. Она попыталась стукнуть его, но дракон был сильнее и удержал ее руки.

— Дыши ровно... дыши. Я рядом. Я здесь. Я не дам тебя в обиду.

Дыхание девушки начало постепенно выравниваться, она перестала всхлипывать и подняла глаза на Таррена. Дракон ласково улыбнулся.

— Не хочешь красное платье? Я прикажу его сжечь.

Девушка кивнула и на ее лице появилась бледная улыбка. Только в этот момент я осознала, как они похожи. Наверное, это его младшая сестра. Как странно в Таррене сочетается жесткость к другим и нежность к ней...

Таррен не отпустил ее сразу.

Держал крепко, одной рукой прижимая к груди, другой медленно проводя по спине, пока ее дыхание окончательно не выровнялось. Тиара уткнулась ему в плечо, всхлипывая уже беззвучно, будто устала даже плакать.

— Тише, — сказал он негромко. — Я здесь. Все хорошо.

Она кивнула, не поднимая головы.

— Ты опять не спишь, — пробормотала она. — И опять работаешь.

— Работаю, — подтвердил он. — Потому что все спят, и никто меня не отвлекает. Мне нужно сконцентрироваться.

Таррен осторожно отстранил Тиару и подвел к столу, заваленному бумагами.

— Я разбираю отчеты с границ, — сказал он уже спокойнее. — После свадьбы я стану претендентом на корону и уеду в столицу. Мне нужно быть уверенным, что здесь все будет как надо.

Он подошел к столу, взял карту и развернул ее так, чтобы

Тиара видела отметки.

— Вот здесь беспокойно. Здесь подозрительно спокойно.

Тиара наклонилась, разглядывая линии.

— Зачем ты мне это показываешь? — спросила она. —

Это же государственные дела.

Он посмотрел на нее так, будто вопрос был странным.

— Потому что ты принцесса, — ответил Таррен. — И должна понимать, что происходит на твоей земле.

Тиара вздохнула и снова подтянула ноги под себя.

— У меня от принцессы только корона, — сказала она тихо. — Никто не воспринимает меня всерьез.

Дракон серьезно посмотрел на сестру и произнес уверенно и четко:

— Я воспринимаю. У тебя острый ум и редкий дар.

Она поморщилась.

— Бесплезный дар. Я постоянно путаю прошлое и будущее! Даже сейчас... ты говоришь, что у тебя будет свадьба, а я была уверена, что ты уже женат.

Таррен удивленно приподнял бровь.

— У тебя такая милая жена, — продолжала Тиара. — Мы вчера с ней разбирали безделушки. Она столько всего знает. Я так рада за тебя. Ты на нее такими влюбленными глазами смотришь...

Дракон несколько секунд молчал, потом тихо рассмеялся.

— Это ты точно выдумала, — сказал он. — Я не умею любить. Меня раздражает существование других людей. Осо-

бенно если они не подчиняются мне.

— Меня же ты любишь, — тут же возразила Тиара.

Он снова притянул ее к себе и легко поцеловал в макушку.

— Мы родные, — вздохнул он. — Это другое.

— Она тебе тоже будет родная.

Таррен не ответил, только невидяще покачал головой. Тиара поцеловала брата в щеку.

— Спокойной ночи, дорогой брат. Часто мои предсказания не сбываются, но эти я вижу четко. Надеюсь, все будет именно так.

— Хорошо, хорошо, — Таррен бережно подтолкнул сестру к двери. — А сейчас иди уже поспи.

Когда дракон приоткрыл сестре дверь, я поняла: это мой шанс, возможно, единственный. Бежать через балкон в обличии ящерицы — самоубийство, зато, пока я маленькая и шустрая, могу заползти в какой-нибудь обоз или в сумку к кому-то из слуг, покидающих дворец, и оказаться в безопасности.

Я прищурилась, сдвинулась с места и осторожно перебежала от штор к ковру, затем по ярким узорам — навстречу свободе.

Я уже видела приоткрытую дверь в коридор. Узкую щель, в которую можно было прошмыгнуть, пока Таррен занят сестрой.

Я приготовилась к рывку, и в этот самый миг дракон обернулся. Похоже, он инстинктивно чувствовал чье-то присут-

ствие: обычный человек бы никогда меня не заметил, но не он. Я застыла посреди ковра, прижавшись к ворсу.

К счастью, взгляд Таррена блуждал на уровне человеческого роста, на ковер он не смотрел, но это пока. Если побегу в его сторону — заметит, обратно за шторы — уже далеко. Оставалась неприметная дверь справа, которая была слегка приоткрыта. И когда дракон в поисках непрошеного гостя отвернулся, я шмыгнула туда и оказалась в спальне.

— Что такое? — послышался голос Тиары.

— Такое чувство, что в комнате кто-то есть.

— Конечно, есть! В ней мы и наши тени, а еще отражения.

И отражения теней. Целая толпа тебя и меня!

— Все, спать! Живо!

Из залитой светом комнаты доносились голоса дракона и его сестры, а я оказалась в полумраке. Окна спальни были завешаны тяжелыми шторами без единого просвета.

Кровать занимала почти половину комнаты — широкая, резная, с тяжелым бархатным покрывалом. У стены — сундуки, у окна — кресло, в котором, казалось, можно было утонуть.

Здесь было тише, чем в кабинете, и теплее. В небольшом камине уютно тлели угли. Пахло пряностями, хвоей и серой. Знакомый запах. Так пахли волосы Таррена.

Я спряталась под кровать, прислушиваясь. Дракон походил по комнате, заглянул в спальню, пожал плечами и хлопнул дверь, лишая меня возможности выбраться.

Я забила под кровать, ближе к изголовью, стараясь слиться со стеной и не выдать себя. Нужно было побыть в относительной безопасности и все осознать. И так, я нечаянно стала женой дракона и с меня снялась часть проклятья, но теперь я в опасности. Я стою на пути к политическому браку и короне. И всем выгодно от меня хотят избавиться.

У дракона есть сестра — Тиара, которая обладает чем-то вроде дара предвидения, но не очень им владеет. Она знает мое имя и почему-то говорит, что Таррен счастлив со мной. Это странно. Похоже ее видениям не стоит доверять, но кажется она единственная, кто относится ко мне хорошо. Она и Павра. Смогу ли я уговорить их помочь мне с побегом? И как это сделать, если я и двух слов связать не могу из-за того, что долго не была человеком, я совсем разучилась говорить.

В голове звучали слова Тиары: я так рада за тебя. Ты на нее такими влюбленными глазами смотришь...

Я тряхнула головой, отгоняя мысли. В такое предсказание сложно было поверить и даже вредно! Может набраться смелость и все же объяснить все дракону как-нибудь? Решить все миром.

Случайный брак с Тарреном — мой шанс! Может быть, дракон не так суров, как мне казалось, он войдет в мое положение?

Например, найдет колдуна, который снимет проклятье.

Между тем, Таррен не спешил ложиться спать. Похоже, правитель северных земель привык держать все под контро-

лем и перепроверять каждую мелочь. Даже ночью он не позволял себе роскоши отдохнуть и расслабиться, будто ответственность не отпускала его ни на миг.

Я немного осмелела и решила вылезти и осмотреться получше. Вдруг в комнате есть потайная дверь или еще какой-то способ выбраться на свободу?

Шкафа или какой-то подозрительной ниши не было, сундуки стояли у стены, слишком низкие, чтобы что-то скрывать. Окно было плотно зашторено. Вход на балкон заперт на щеколду. Я попыталась проползти по стеклу до нее, попытаться открыть, но лапы обожгло холодом. Я соскользнула и упала на пол.

Я облазила тумбы, забралась на кровать и не успела сползти обратно потому, что дверь резко распахнулась и в спальню вошел Таррен.

Я замерла в надежде, что смогу сделать рывок и выбежать из комнаты, но дракон тут же захлопнул створку. Такое чувство, что открытые двери его раздражали.

Медленно, даже лениво Таррен расстегнул пуговицы на алом жилете и небрежно кинул его на сундук. Судя по звуку, расшитый камнями и золотом жилет весил целую тонну, но дракон носил его, не обращая внимания на тяжесть.

Таррен расправил плечи, потянулся, потер шею и начал расшнуровывать горловину шелковой рубахи.

Свет камина ложился на его тело мягко, подчеркивая то, что не могла скрыть ткань. В каждом движении дракона чув-

ствовалась сила, естественная, природная, первобытная. И крепкие мышцы, ровный аккуратный пресс были лишь одним из ее проявлений. Я заметила тонкий, уходящий под пояс брюк шрам от пореза, проследила по нему взглядом и меня накрыло волной смущения.

Я поймала себя на том, что смотрю дольше, чем требуется, чтобы просто оценить ситуацию, и это ощущение было неловким, почти стыдным. Поспешно спрятавшись глубже под подушку, я затаилась, не дожидаясь, когда дракон почувствует мой взгляд.

Через несколько минут перина мягко просела, принимая вес тела, и кровать отозвалась тихим, жалобным скрипом. Таррен улегся, откинулся на подушку и выдохнул со стоном облегчения, будто наконец сбросил с себя тяжесть дня.

Я надеялась, что дракон быстро уснет, а я продолжу искать выход, но его рука почти сразу потянулась к тумбе. Послышался знакомый, успокаивающий шелест страниц. Я осторожно выглянула.

Таррен лежал совсем близко и от него исходило тепло, даже жар. Вот кому точно не нужна грелка долгими зимними ночами, интересно, ему вообще бывает холодно?

Дракон читал в полумраке, даже не зажигая лампы. Его зрению было достаточно тусклого света от камина. Да и сам камин, похоже, был нужен только для уюта.

Таррен выглядел спокойным и сосредоточенным. Только между бровей пролегла тонкая морщинка. Он переворачи-

вал страницу за страницей без спешки, не отвлекаясь, и в этом было что-то неожиданно притягательное.

И снова он почувствовал меня, оторвал взгляд от книги и осмотрел комнату. Я спрятала голову под подушку и решила переждать.

Сон был приятный, обнимающий, словно одеяло. Совершенно не хотелось просыпаться. Впервые за долгое время я чувствовала себя в безопасности.

Было тепло и хорошо. Будто я дома, я на своем месте. Размеренное дыхание дракона убаюкивало меня, раздражал только луч солнца, который щекотал кончики ресниц. Я машинально потянула на себя одеяло, чтобы укрыться с головой, но одеяло уползло обратно. Я потянула снова. Безуспешно. Тогда я спрятала лицо на плече дракона, сладко зевнула, а затем вздрогнула.

Запоздалое осознание ситуации догнало меня, заставив подскочить на месте. Сон как рукой сняло. Я лежала в кровати с драконом! А он меня обнимал.

Я попыталась осторожно выпутаться из его хватки. Сердце стучало уже где-то в горле. И мне почти удалось выскользнуть, а потом Таррен открыл глаза и посмотрел на меня.

Я резко дернулась, в надежде, что успею спрыгнуть с кровати, выбежать за дверь и пронестись по коридору. Куда? Да хоть куда! Может быть сонный дракон не успеет ничего сообразить?

А я доберусь как-нибудь до Павры и буду просить помощи.

Но я надеялась зря.

Стоило мне пошевелиться, как Таррен схватил меня за запястье, как хищник вцепляется в жертву. Стальная хватка сомкнулась на моей руке, и я поняла, что в ловушке.

Дорогие читатели, я рада, что вы прошли этот путь вместе со мной и с героиней. Я надеюсь, вы продолжите наше путешествие и дальше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.